

**Выступление на семинаре «Вызовы городского разнообразия
и поиск ответа на них в эпоху масштабных миграций»**

Я тоже, пожалуй, присоединюсь к мыслям двух предшествовавших выступавших, в частности по поводу пресловутого «мульти-культи». Мне кажется, здесь есть одно очень серьезное недоразумение. Мультикультурализм как *реальность* – как факт культурного разнообразия современных обществ – никто не отрицает. Это *factum brutum*. Это то, что есть, что неизбежно, что уже давно наступило. Тут даже не надо спрашивать: есть ли у мультикультурализма будущее? Оно уже наступило. Мультикультурализм как факт есть то, с чем мы живем и будем жить дальше.

А вот мультикультурализм как специфический *способ политики*, с которым немножко кокетничали в Нидерландах и Швеции в 90-е годы, немножко в Великобритании, – это нечто совсем иное. Эту политику стали сворачивать уже к 2000-му году, даже раньше – в конце 90-х. То есть мультикультурализм как совокупность мероприятий (в частности, выделение этнических меньшинств в качестве объектов поддержки, их спонсирование и т.д.), как политика стал терять поддержку *polісумaker*'ов (лиц, принимающих решения) уже во второй половине 90-х годов.

Поэтому я не совсем понимаю, почему понадобилось десять лет той же госпоже Меркель или Дэвиду Кэмерону, чтобы выступить с заявлениями о конце мультикультурализма. Видимо, у них были для этого какие-то особые причины.

Такая маленькая ремарка.

Теперь по поводу прозвучавшего выступления Блэра Рубла. В этом выступлении было так много провоцирующих на размышление тезисов, что сколько-нибудь адекватное их комментирование потребовало бы столько же времени, сколько сам доклад. Коль скоро у меня такого времени нет, я попробую отстоять буквально один тезис. Уверен, что он вызовет массу возражений, но для меня это важно.

Я попробую прокомментировать понятие «капитал разнообразия», которым оперирует Блэр Рубл. Позвольте начать с такой банальности – с экономического понятия «капитал», как оно употреблялось во времена Госкина и Маркса. Что такое капитал? Это самовозрастающая стоимость. Это некий ресурс, который, будучи правильно вложенным, способен к самовозрастанию, преумножению.

В 80-е годы XX века это понятие переосмыслили. В частности Пьер Бурдьё ввел понятия «социальный капитал», «культурный капитал». И потом очень интересно развивал

понятие «социальный капитал» Роберт Патнэм. Понятие «капитал разнообразия», которым оперирует Блэр Рубл, разумеется, имеет отношение к тому и к другому.

Вопрос: при каких условиях разнообразие становится капиталом? Каковы те условия, при которых оно начинает работать как самовозрастающий ресурс? Ведь разнообразие само по себе нейтрально по отношению к развитию. Оно может никак не влиять на развитие. Оно может влиять на него отрицательно. И наконец, ситуация, которая нас интересует, – оно может на него влиять положительно, служить его источником.

Давайте еще раз сделаем экскурс к классикам, в частности к Патнэму. Если культурный капитал – это прежде всего образование, обучение и способность обучаться, то социальный капитал – это прежде всего межличностные связи и то, что отсюда вытекает, – доверие. Так вот: Патнэм обратил внимание на то, что рост этнокультурного разнообразия плохо совместим с ростом социального капитала. Доверие между людьми *не увеличивается, а уменьшается по мере того, как растет разнообразие.*

Получается, что миграция и связанное с ней культурное многообразие – это скорее то, что разрушает социальный капитал, а не то, что способствует его аккумуляции, накоплению.

Патнэм это понимает. Но Патнэм говорит, что так обстоит дело в краткосрочной перспективе и, может быть, в среднесрочной. А в долгосрочной, то есть в конечном итоге, формируются надобщинные, сверхобщинные формы солидарности, которые проходят поверх этнических, конфессиональных, расовых, языковых границ. Это в первую очередь касается, конечно, городов, городской культуры, которая в принципе предполагает, как говорил Анатолий Григорьевич, множественные идентичности.

Примеры с Монреалем и Нью-Йорком, которые приводил Блэр, прекрасно этот тезис иллюстрируют. Некогда разделенные по линиям этнических и религиозных различий эти города сегодня являют собой такие динамические целостности, которые функционируют по принципу *e pluribus unum* – во многом единое, единство во множестве. Головокружительное, феноменальное разнообразие этих городов не мешает существованию в них неких общих публичных пространств, я бы сказал, пространств совместности. Именно так: не единства, а совместности. Люди не перестают быть разными, но, тем не менее, как-то умудряются не только *сосуществовать*, но и *сотрудничать*.

Мне кажется, это очень важный тезис в докладе, и его надо развивать.

В том, что касается перспектив культурного многообразия, и Роберт Патнэм, и Блэр Рубл, конечно, оптимисты. Хотя оптимизм Блэра более осторожный, чем оптимизм Патнэма. Если Патнэм подкрепляет свою позицию отсылкой к американскому опыту, то Блэр добавляет сюда опыт Канады, в частности Монреаля, которым он занимался специально. И до тех пор, пока он говорит о Монреале, Нью-Йорке, Амстердаме, его оптимизм волне убедителен. Я бы

даже сказал, заразителен. Но когда речь заходит о России, когда мы пытаемся экстраполировать североамериканский опыт на нашу страну – возникает ощущение, что имеешь дело с другой реальностью. Что сравниваешь друг с другом не то что два разных полушария, а две разные планеты.

В наших общественных дебатах тема миграции обсуждается преимущественно в модусе угрозы. Здесь совсем немного исключений. Присутствующие здесь Вячеслав Поставнин, Леокадия Дробижева, Анатолий Вишневский относятся к небольшой группе тех, кто эту тему обсуждает иначе. Но в принципе в наших дебатах миграция предстает почти исключительно как угроза. Причем угроза не только рабочим местам и уровню зарплат, но и угроза так называемой «этнокультурной безопасности». (Такая вот специфически российская категория.)

Наши общественные дебаты определены либо фантазмом культурной чистоты, либо мифом о неизбежном культурном конфликте. Взглянуть на миграцию как на то, что обогащает, в том числе и культурно, – это не про нас, это как бы из другого мира.

Стало быть, вопрос, который, мне кажется, стоит обсуждать, – это вопрос о том, что препятствует накоплению капитала разнообразия в России. Отвечая на него, нужно держать перед мысленным взором, конечно, и структурные, и дискурсивные аспекты. Но памятуя о том, как мало у меня времени, я структурные аспекты оставляю за скобками и сосредоточусь только на дискурсивных.

Что бросается в глаза, когда наблюдаешь за российскими публичными дебатами? Культурализация социальных отношений, культурализация социального. Истолкование социальных напряжений и противоречий в терминах культуры, в терминах этноса и конфессии. Конечно, подобная культурализация есть и в Европе, и в Америке, но там она встречает довольно мощное противодействие – и в академических кругах, и в журналистском сообществе, и среди лиц, принимающих решения.

В России культурализация – это такой *common sense*, это едва ли не общее место и в экспертном дискурсе, и в официальном, и в медийном. Давайте вспомним, как месяц назад освещались события в Лондоне в наших медиа. Я дал себе, кстати, труд сравнить способ освещения этих событий в российских медиа и в западных. А шесть лет назад, когда были беспорядки под Парижем, я сидел две недели и сравнивал Интернет и телевидение – наше, с одной стороны, и французское, немецкое, британское, американское – с другой.

И контраст, я вам доложу, разительный. Там это обсуждалось преимущественно – повторяю, преимущественно, поскольку там тоже есть множество позиций, – в таких категориях, как социальная депривация, социальная аномия, занятость, соответственно, безработица, особенно молодежная, этническая дискриминация, подростковая девиантность.

Эксперты, которых приглашали на телевидение и которые выступали в газетах с аналитическими материалами, фокусировались на проблемах молодежи, преступности, отсутствия доверия между полицией и населением, провалов городской политики в жилищной сфере и сфере образования и, не в последнюю очередь, джентрификации в одних районах городов и формировании так называемых неблагополучных кварталов в других.

А в наших медиа доминировали такие категории, как «война культур», «несовместимость идентичностей» приезжих и местных. Говорилось о том, что благодушная Европа заигралась в «мультикульту» и теперь беспомощно наблюдает, как ее цивилизационные основы разрушают эмиссары исламского мира. Причем это говорят про мальчишек, которые родились, скажем, в Париже или Лондоне, в третьем поколении являются французами или британскими гражданами и к исламу имеют самое стороннее отношение.

Когда через год после французских событий случились беспорядки в Кондопоге, в Карелии, то многие наши эксперты и высшие чиновники не нашли ничего лучшего, как объяснить эти события (цитирую) «нежеланием приезжих соблюдать традиции и обычаи местных жителей».

Откуда происходит такая культурализация, и почему она столь охотно поддерживается чиновниками? Мне кажется, первая причина лежит на поверхности. Это позволяет бюрократии переключить внимание с социальных проблем, которые она не в состоянии решить или не имеет политической воли решить, на проблемы морально-психологического свойства. Но это не единственная причина. Мне кажется, есть причина более глубокая. Она состоит в том, что *культурализация социального выполняет очень важную функцию – функцию символической компенсации структурного неравенства*. Людям, которые лишены доступа к базовым социальным благам – к нормальному здравоохранению, нормальному жилью, достойно оплачиваемому труду, – предлагают как бы не замечать таких мелочей. Им предлагают осмыслять свое положение не в политико-экономических терминах, а в терминах культуры, этноса и конфессии.

Выражаясь иначе, социальная поляризация, которая неприлична, которая ставит Россию в один ряд с латиноамериканскими странами, а не со странами – ее соседями по Клубу «Большая восьмерка», – это неважно. Социальное исключение – это тоже неважно. А важны отношения между этноконфессиональными группами, между «русско-православным» большинством и «нерусскими» и «неправославными» меньшинствами.

Если вы принадлежите к этническому большинству, то это уже повод для гордости и счастья. Единственное, что вас должно по-настоящему заботить, – это ваш символический статус, ваша принадлежность к этому самому этнокультурному большинству. Оно же – господствующий этнос, оно же – государствообразующая нация. И если вы несчастны, то

причина ваших несчастий – это то, что данный статус ставят под сомнение, что кто-то ставит интересы этнических меньшинств выше интересов этнического большинства и что те, которые «понаехали», не уважают «традиции и обычаи местного населения».

Люди, которые сегодня разделяют лозунг «Россия для русских», лишь доводят до абсурда логику культурализации. А этнизация социального, истолкование сложных этнических проблем в простых этнических терминах – это одна из разновидностей его культурализации.

Мне кажется, что риторика конфликта культур в нашей стране стала своеобразным наркотиком. Эта риторика – опиум народа, который изготавливают эксперты в своих лабораториях и который в домашних условиях себе варят люди, чтобы смягчить боль, причиняемую социальным неравенством. Если мы этого рода наркомании не поставим заслон на уровне академического сообщества, на уровне гражданского общества, то наши перспективы в том, что касается аккомодации культурных различий, очень печальны.